

СМЕХ ПО ДОРОГЕ В АТЛАНТИС

Фантастический рассказ

Протяжный жужжащий звук догонял набиравшую скорость машину. Люди инстинктивно пригнулись. Ладников резко затормозил. Все же одно семя угодило в правый бок кузова. Все почувствовали сильный и резкий удар. Второе семя-снаряд стукнулось о дорогу чуть впереди машины, отскочило далеко в сторону и разметало песок. Из образовавшейся воронки с непостижимой быстротой полез толстый зеленый жгут, который распался на отдельные листья. Между ними показался мощный росток — зеленая труба с утолщением наверху. Ладников тронул с места турбомобиль. Стебель тотчас потянулся вслед уходившей машине, но уже скоро он едва различался слабой черточкой на горизонте...

Турбомобиль мягко скатился к обочине дороги и заглох. Стало тихо. Улавливался только слабый тикающий звук жидкости в трубах охлаждающей системы, словно одинокий кузнецик трещал где-то на краю огромного тихого-тихого поля.

— Вот, собственно, и все, — закончил свой прерванный рассказ Ладников. Потом он снова повернулся вполоборота к сидевшим сзади и добавил: — Беспokoйство постепенно пропадает. А ведь я еду уже в шестой раз. Да и надеешься на программу. Видимо, в этом главное...

Рисунок В. НЕМУХИНА

Ладников вел машину легко и даже чересчур лихо. Часто сидел боком и отрывал руки от баранки, чтобы убедительнее обрисовать жестом какую-нибудь деталь. Его сосед, Гурген, с виду мрачный, неразговорчивый человек, раза два хватался за руль, когда машина кидалась в сторону. Этот Гурген даже буркнул строго: «Знаешь, такие шутки, дорогой...»

Ладников пожал плечами и, может быть, поэтому стал еще чаще оборачиваться назад. Правда, уже пять-шесть километров Ладникову помогал автомат. С того момента, когда между колесами появилась неглубокая канавка. Она делила полотно дороги на две части и служила проводником для шупа автоматического водителя.

Появление канавки предупреждало о близком подъеме в горы. До настоящего подъема, когда бы явно чувствовался наклон, оставалось еще километра три. Час назад горы виднелись узенькой ленточкой над горизонтом, а сейчас впереди — внушительные конусы с красными пятнами осыпей. В пространство между двумя самыми высокими вершинами и устремилась дорога. Туда, где горы рассекает «Большая борозда».

Все четверо вылезли из машины. Гулко хлопнули дверцы. Гурген медленно прошел несколько шагов вдоль дороги и так же медленно возвратился. Геолог Мосенин сунул руки в карманы своей толстой куртки и деловито подталкивал ногой круглый камешек к обочине дороги. Риль так и остался стоять у машины. Ладников привычно обошел турбомобиль кругом. Он вспомнил, что нужно осмотреть правый бок кузова, куда выстрелил своим семенем «Шепардиев стрелок». Так и есть! На боку действительно содрана краска. Как раз почти там, где сейчас стоит Риль. Из всех четверых только они с Виктором Рилем были немного знакомы. Собственно, они просто встречали друг друга где-то. Может быть, в тех же коридорах Управления. И даже не здоровались. Но здесь, в машине, оба почувствовали себя старыми друзьями и тотчас заговорили на «ты».

Ладников тронул вмятину ладонью.

— Саданул как следует, — сказал он, — еще немного выше — и, пожалуй, разлетелось бы стекло. Долго же он копил заряд...

— Хочешь острословик? — тронул Ладникова за локоть Риль. — Буквально вот сейчас пришел в голову!

— Погоди, — остановил его Ладников, — ты знаешь этого Гургена?

— Нет. Совсем не знаю. Впрочем, он, кажется, новый вакуумщик для Атлантиса. Вот и все. Да, еще его имя... Или это фамилия? Словом, кавказец. Мне так кажется...

— Я боюсь за него, — сказал тихо Ладников, — до предела мрачный человек. У кавказцев это редко. Я даже подумываю о возвращении.

— Ну! Брось это! Программа ведь опробована...

— Ты прав. Конечно, опробована. Но... Знаешь, как иногда бывает?

— Знаю. Отклонение от среднего? Ерунда. Ведь ты сам говорил, что теперь применяют комплекс восприятия. Так в чем же дело?

— Я-то по-прежнему сторонник индивидуального подхода, — проговорил Ладников и опять погладил вмятину.

— Все по программе? — удивился Риль.

Ладников не ответил. Чуть помолчав, он заговорил совсем о другом:

— Все-таки это был удивительный экземпляр «стрелка». Смотри, как вцепил, а? Тебе как журналисту стоило бы отметить такой факт...

— В Атлантис я еду не как журналист... Кстати, наверное, попаду под начало Гургена.

— Вакуумщиком? — У Ладникова поднялись брови.

— Не совсем. Но не буду пока распространяться...

Ладников снова помолчал, потом заглянул под машину и

не нашел ничего, что было бы не в порядке. Потом сделал движение, которое всегда отличало шоферов всех времен и народов от остальных людей, не сидящих за баранкой, — пнул колесо. Пнул подчеркнуто лихо, мимоходом. Хотя никакой необходимости в этом не было — турбомобили давно ходили на ячеистом пластике с длинным химическим названием. Все называли его по-старому привычно и просто — губка.

— Свой остроловик расскажи Гургену, — бросил Ладников, — если он хотя бы улыбнется, значит я захохочусь до смерти.

— Давай его сюда!

— Он сам придет. Пора ехать дальше. — Ладников стал серьезным. — Мосенин! — крикнул он геологу. — Пора! — и махнул Гургену. — Возвращайтесь!

— Этот парень, геолог, попал в гималайскую десятку, — тихо сказал Риль Ладникову, — помнишь? Они там навертели, черти. Холода, лавины, заносы, льды, словом, хлебнули...

— Что-то слышал, — ответил Ладников и облокотился на капот «турбика», ожидая, когда подойдут Мосенин и Гурген. — Что-то слышал, — повторил он задумчиво, — кажется, им действительно пришлось туго. Молодцы! И этот, видимо, парень крепкий... Я ведь, Виктор, так мало бываю дома, на старушке, что теперь издалека даже самый кошмарный ее угол представляю как темный чулан: пока темно — жутковато, а щелкнул выключателем — и вот вокруг давно знакомые вещи, старые и милые. Даже вроде скучные... А тут... Одни бронты чего стоили.

— Бронты? — спросил Мосенин, услышав последнюю фразу. — Вы о бронтах?

— В чем-то ты прав, — ответил Риль Ладникову, — но поверь, у старушки еще много сюрпризов. Хотя бы... Хм... Вылетело из головы...

Подошел Гурген. Он сделал несколько приседаний и теперь подрыгивал ногами, как бегун, который готовится к старту. Ладников попросил внимания. Три человека, его попутчики, приподняли головы.

— Пора, — сказал Ладников, — немного разрядились, теперь пора. Итак, я еще раз повторяю. От этого места ехать совсем немного. За километр до Знака появятся столбы. Их пять. Красные невысокие столбы. Потом будет Знак. Его и обелиски видно далеко. По желанию хотя бы одного из нас можно остановиться у Знака. Он в безопасной зоне. Но можно и не останавливаться. В зоне же всякие остановки строжайше запрещены. Разворот программы начинается через секунду после пересечения линии у Знака. Я уже говорил, что программа рассчитана и на самое медленное восприятие и на самое быстрое. Для быстрых предусмотрены дополнения. Дополнения продлевают время действия защиты. Медленным это не нужно. Вот, если хотите, краткая инструкция. Вопросы в дороге. Запомните одно — это единственная защита. Никакой другой нет. Даже стена из любого материала километровой толщины там не поможет. Только так организм защищает себя. Как в жару, например, выделяет пот. Никакая физика и химия не помогает. Все. Ну, а вообще-то поменьше думайте об этом и представьте, что проезжаете здесь каждое утро.

— А как проверить, кто быстрый, а кто медленный? — спросил Мосенин.

— Как проверить?.. Проверить... — Ладников задумался. — Это трудно. Но от того, сколько здесь, — он тихонько хлопнул себя по лбу, — почти не зависит. — Вдруг он хитро подмигнул Рилью. — Расскажи-ка свой остроловик!

— Значит, жили-были дед с бабкой, — начал Риль, — однажды закрыли они правую дюзу у своей ракеты...

Когда Риль кончил, засмеялся Мосенин, гоготнул Ладников, а Гурген серьезно сказал:

— Ерунду, дорогой, рассказываешь, какая же, к черту, у старика должна быть голова? Ты думаешь, смешно?

Ладников и Риль переглянулись.

— Давайте-ка в машину, — бросил Ладников и легко прыгнул на свое сиденье. Гулко хлопнули четыре дверцы. Машина вранула, выбросив из-под колес веер песчинок.

— Вы говорили о защитной реакции, — обратился Мосенин к Ладникову, — хочу спросить, а бывают ли исключения? У одного, скажем, есть такая способность отреагировать, а у другого она отсутствует от рождения...

— Исключения бывают всегда и везде...

— Но ведь может статься, что у меня или у кого-то из нас, у вас, у него... ну, вот именно такое исключение!

— Могло статься, что метеорит, когда вы сюда летели, дорогой, — неожиданно вмешался Гурген, — захотел бы подождать вашу ракету и познакомиться с вами...

Ладникову показалось, что такой разговор ни к чему.

— А ну, кто смотрел последнюю поликомедию Петровского, поднимите руки? — вдруг весело крикнул он.

— «Девушка с планетой», что ли? Раз, два, три, четыре. Все! — подытожил Риль.

— Беру интервью. У журналиста первого. — Ладников сбавил скорость и повернулся к Рилью.

— Отличная вещь. Великолепный юмор! Ребята сыграли — во! — Риль подставил большой палец к самому носу Ладникова.

— Так. Теперь вы, сосед. — Ладников обратился к Гургену.

— Что мне говорить? Нахохотался так, понимаешь, что устал. Будто камни ворочал. Жена говорит, дурак ты, соседям смотреть не давал. Неприлично. Э-э, руль держи, дорогой!

— Вы Мосенин? Мосенин! О чем вы задумались? Что скажете о комедии?

— Я? О комедии? Ах, да... Ничего, ничего, веселенькая штучка.

— Самые удачные и хорошие ответы у моего уважаемого соседа Гургена, — провозгласил Ладников и в окошечке обзора перед собой поймал глаза Рилья. Риль похлопал Ладникова по плечу.

«Все должно обойтись... Как будто бы все должно обойтись, — думал Ладников. — Риль... Пожалуй, в нем я уверен, как в себе. Гурген... Мрачный тип, но, кажется, разговорился. Хм, хохотал, будто камни ворочал... Должен выдержать, хотя... Нет, кажется, спокоен. Наконец, Мосенин. Геолог. Героическая гималайская десятка... Только десять человек. И один из них

здесь, рядом. Никаких сомнений! Почему-то все боятся программы... А ведь она делает свое точно и верно. Теперь можно сказать, что она справится и с Гургеном. Железнов говорил, что дали усиленную, потому что сразу трое едут впервые. Страшное — это последний километр. Пять красных столбов... Надо что-то рассказать из старых программ. Лучше всего это сделать... Да, да, вон за тем холмом, где растут два «стрелка» по обе стороны от дороги. Они последние до Знака. Черт побери, ведь здесь давно никто не ездил! Значит, не исключено, что «стрелки» накопили большие заряды. Проеду тихо. Не стоит рисковать стеклами и нервами. Мосенин опять задумался. О чем он?..»

Турбомобиль выскочил на холм. Дорога полого скатывала вниз и совсем незаметно для глаза начинала снова залезать в гору. Уже на подъеме, чуть выше той с трудом угадывающейся линии перелома, из целого вороха листьев торчали головки «стрелков» — удивительные сооружения — одновременно и локатор, и орудие, и фабрика взрывчатки, и завод — изготовитель снарядов-семян, и целый батальон отличных наводчиков.

— В Атлантисе есть библиотека? — вдруг спросил Риль.

— Кажется, есть, — ответил Ладников.

— А почему решили поселок устроить под водой?

— Это сложное дело. Озеро Кохео — единственный водоем. Когда-то его изучали капитально. И потом в воде просто меньше всяких неожиданностей, опасностей, что ли...

— Каких опасностей, — подхватил Мосенин, — бронтов?

— Бронты сейчас не опасны. Почти не опасны. Может быть, в то время, когда строили Атлантис... Пылевые бури, газовые удары, да мало ли неприятностей.

— Я читал, что газовых ударов было два за всю историю освоения. Никто не пострадал... — снова сказал Мосенин.

— Возможно, два. Я не помню точно...

— В Атлантисе можно на чем-нибудь поиграть? Я говорю о музыке, — вмешался Риль.

— Целый оркестр! — засмеялся Ладников и тут же добавил: — Это я в шутку. А вообще не знаю. Атлантис ведь совсем недавно оживили. Месяцев пять-шесть назад там были только наблюдатели. Вероятно, что-нибудь найдется. Ты в самом деле играешь? — повернулся назад Ладников.

— Учился когда-то. Но это уже из области юмора, хотя музыку очень люблю.

Риль замолчал.

Ладников включил тормозные кольца и перевел регулятор скорости на скорость пешехода. Турбомобиль словно ткнулся в невидимую стену и медленно попопз неуклюжим жуком. А навстречу ему, будто два любопытных жирафа, из земной жаркой саванны повернули свои головки «стрелки».

— Почему мы поехали медленно? — забеспокоился Мосенин.

— Смотрите, — не отвечая ему, обратился ко всем Ладников, — это довольно крупные экземпляры, а главное — близко. Они у самой дороги. Я выбрал критическую скорость.

Машина приближалась к удивительным растениям. Вот она почти между ними. Мелко задрожали листья, стали хищно выгибаться стебли-стволы. Было похоже, что вот-вот, откинув-

шись назад, каждая головка с размаху клонет ползущий турбомобиль, словно жадная птица букашку. Машина поравнялась с растениями. Листья и стебли сильнее задрожали. Какой гигантски сложный процесс происходил в их недрах! Так лихо-радило бы безукоризненно налаженный автомат, если бы ему посылались строгие распоряжения, которые тотчас отменялись, и сразу же диктовались другие приказы, противоположные по смыслу. И так без конца. «Турбик» шел на критической скорости. Когда «стрелки» остались позади, Ладников выждал еще немного и рванул машину вперед. Ладников торопился. Он хотел наверстать время, погерянное на участке между «стрелками».

— Говорят, что Шепард варил куски стебля, — стал рассказывать Риль, — и утверждал, что бульон напоминает куриный. Никто ему не верил. Он был единственным, кто отважился на это.

— Попробовать бы... А что? Эй-эй-эй, держи руль крепче! Может быть, такое блюдо выйдет! А?

— Пакость какая, — поморщился Мосенин.

— Попробуйте, — Ладников с симпатией посмотрел на Гургена, — только торопитесь — дальше, на западе, «стрелков» нет.

— Чудовищная скорость роста — вот что интересно... — в раздумье сказал Риль.

— Это наше движение стимулировало его рост, — стал опять объяснять Ладников, обращаясь в основном к Гургену, — вообще всякое движение действует на «стрелка» странно. Он бьет семенами только в движущийся предмет. Так гарантируется распространение семян. Вся жизнь растения — это только накопление зарядов. Какие это заряды, никто не знает, Шепард тоже. Что? Да убить он, конечно, может. Если заряд особенно сильный. Но смотря как и куда попадет. Подходить можно, но бежать нельзя. Не быстрее, чем ходит пешеход. Побежишь — выпллет вдогонку. Неделю не сядешь. Ха-ха! В одной программе вспомнил, было так...

— Столб! Красный столб! — вдруг закричал Мосенин, показывая на обочину. — Первый столб! Красный!

«Что кричишь, ну, что кричишь? — повернулся к нему Гурген. — И машину так напугаешь, дорогой!»

— Как что? Как что? Ведь всего километр!

Ладников видел, что у Мосенина беспокойно забегали глаза. «Наверное, от возбуждения, оно обычно у романтиков», — подумал Ладников и хотел продолжить.

— Слушайте, — схватил его Мосенин за плечо, — а есть другие дороги в Атлантис?

— Есть. Две. Через плато Киреева и по Сиреневому нагорью.

— Так почему бы не поехать там?

— Можно было бы поехать. Но везде то же самое. Тот же Знак. Но гораздо дольше ехать. А нагорье к тому же совсем недоступно для нашего «турбика».

— Вот и второй столб, — сказал Риль.

— Второй? Где второй? — Мосенин привстал с места. — Да-а, второй...

Геолог снова схватил Ладникова за плечо.

— Почему нельзя было сделать другую дорогу? Я не пони-

маю. Ведь можно! Ну, не по нагорью, так в другом месте. Ну и что, что горы! Гималаи были труднее. Я не понимаю...

Ладников резко сбавил скорость. Он отдал управление автомату и повернулся к Мосенину.

— И я, признаться, тоже не все понимаю, — сказал Ладников жестко. — Вы боитесь или... или...

Он нарочно не кончил фразу и замолчал.

— Что «или»? Договаривайте!

Ладников не ответил, заставил себя улыбнуться и, как будто разговора с Мосениным не было, продолжил:

— Так вот. В одной программе была и без того комичная ситуация. А тут еще «Шеппардиев стрелок». Ввели для экзотики. И этот экземпляр «Шеппардии» выстрелил. И чем? Не догадаетесь — штопором. Вслед бегущему герою.

Ладников почувствовал, что говорит впустую. Если его и слушали, то просто так. Люди думали о другом.

Еще один красный столб быстро надвигался справа. И Мосенин, и Гурген, и Риль провожали его взглядом, пока столб был виден. Все молчали.

— Пошленькая была программка, — вдруг сказал Риль, — настоящий юморист так бы не написал.

— Отчасти согласен, — Ладников покосился на экранчик обзора, — но ведь здесь не требуется ничего. Ни воспитания, ни эстетики, ни выводов. Ровным счетом ничего.

— Просто противно, — снова повторил Риль, — кто только пропустил эту программу.

— Наши программы — это не искусство, это защита.

— Пошлость — не защита!

— Черт побери, да какая же разница, если она спасает!

— Она может не спасти. Например, человека, который понимает...

Ладников молчал. «Может быть, я совсем напрасно говорил им о столбах, — думал он, — наверное, было бы лучше молчать до самого Знака. Но инструкцию нарушать нельзя. Да и рассчитана она на людей, которые приезжают работать сюда, в этот необычный мир. Этим людям не берут прямо из земной уличной толпы...»

Когда машина проскочила четвертый столб, стали видны и Знак и обелиски, о которых говорил Ладников. Две большие иглы стояли почти рядом неподалеку от «Большой борозды». Из гигантского каньона поднимались причудливые кружева испарений.

— А эта щелка точно сработает? — спросил Гурген и сунул палец в щель, откуда через несколько минут должен появиться футляр с программой.

— Сработает или не сработает? — подхватил Мосенин. — Скажите, вы сами уверены, что сработает?

— Успокойтесь, геолог. — Ладников на этот раз не повернулся. — Я уверен на все тысячу и даже на тысячу один процент. — И, уже обращаясь к Гургену, тихо и мягко сказал: — Вы не очень внимательно меня слушали. Машина не продвинется ни на сантиметр, если не включится программа. В Знак вмонтирован специальный излучатель.

— Мы тут что-то говорили о других дорогах, — вдруг ска-

зал молчавший Риль, — а почему все-таки нельзя лететь в Атлантик ракетой?

Ладников схватил рукоятку мгновенного торможения.

— Ребята, я бы мог с вами не ехать. Я добрался бы в Атлантик один через два дня, то есть послезавтра! Без пассажиров, без приключений. Вас повез бы кто-то другой. Что ж, я разверну «турбик»...

Молчали все. И Гурген, и Риль, и Мосенин. Никто не шевельнулся. Наступила напряженная, беспокойная тишина, как перед большой ссорой. Ладников громко щелкнул каким-то тумблером. Потом возвратил его в прежнее состояние — снова щелчок.

— Все. Хватит, — решительно сказал Риль, — кто как, а я перегорел. Бывает, видимо. Включай турбину... и жми вперед.

— Что ты нервничаешь? Что ты нервничаешь? Зачем разворачивать, — бодро заговорил Гурген, обращаясь к Ладникову. — Ну, один не поверил технике, другой маму родную вспомнил, а у третьего, понимаешь, застарелый ревматизм в коленках. Трогай!

Ладников усмехнулся. «Хороши, черти! — подумал он. — Застарелый ревматизм... Оказывается, он, Ладников, нервничает!»

Вдруг Мосенин выскочил из машины. Он сделал это в тот самый момент, когда «турбик» хрюкнул вновь запущенным двигателем.

— Сумасшедший, он пошел обратно! — крикнул Гурген и растерянно посмотрел на Ладникова и Риль.

— Он расклеился в самом деле, — сказал Риль.

— Этого типа надо ловить, — встал Ладников со своего места, — теперь я буду считать, что в гималайской десятке было только девять человек...

— Не суди его по здешним законам, — Риль тоже приготовился вылезать, — там все-таки была Земля.

— Тогда какой идиот толкнул его сюда?

Мосенин успел отойти на сотню шагов. Бежать за ним? Вдруг он начнет удирать? Устраивать погоню, когда еще пять минут — и были бы на той стороне! Ладников погнался за турбомобилем задним ходом. Мосенин не обратил никакого внимания на обогнавшую его машину и продолжал идти уверенной походкой человека, решившего все раз и навсегда. Навстречу Мосенину вышел Риль.

— Выслушайте меня... — начал он и взял геолога за локоть, — у всех нас тоже были минутные слабости, раздумья, я понимаю...

Мосенин освободил руку и пошел дальше.

— Вы все время интересовались бронтами! — крикнул ему вслед Ладников. — Вы их видели? Если нет, то такой шанс у вас может быть перед наступлением темноты.

Мосенин вздрогнул и остановился.

— Я не отговариваю вас от затеи пройти пешком эти длинные километры, — продолжал Ладников, — но возьмите хотя бы лучемер. И питья на дорогу.

Мосенин стоял не оборачиваясь. Ладников стал что-то вытаскивать из-за своего сиденья и добавил равнодушно, будто

обращался к маленькому мальчику, которому дали в первый раз включить простой электрический фонарик:

— Да не бауйте с лучами, берегите разрядник...

— Я... Вы... Да как вы... Вам известно, что я... Мне не четыре года... Вы позволяете себе...

Мосенин подскочил к машине и, тыча ладонями в грудь Ладникова, говорил, глотая слова. Упоминание о бронгах, а может быть, последнее напутствие Ладникова подорвали его решимость. Может быть, он просто «перегорел», подборов свои минутные колебания. Казалось, какая-то замкнувшаяся в глубинах мозга цепь разорвалась...

— Я! Мы-ы! Вы-ы! — передразнил Ладников. — Ну, садитесь! Глупости разрешаю только на той стороне. Ясно?

Мосенин что-то хотел возразить. Он все так же стоял перед Ладниковым, глядя на него зло и ошалело.

— Вы знаете Закон Чужого Неба? — снова спросил Ладников, но уже спокойно и холодно. — Знаете? Это старая и нехитрая штука. Если безопасность большинства под угрозой...

— Знаю, — буркнул Мосенин и угрюмо полез в машину.

«Ничего ты не знаешь!» — подумал Ладников, пиная пятнадцатое колесо «турбика».

В Знаке не было ничего странного и необычного. Толстый столб с круглым красным щитом — такие ставились на улицах городов и ограничивали движение транспорта. В центре щита белели две крутые дуги, составленные из четких, аккуратно нарисованных квадратиков, прямоугольников и треугольников. Дуги располагались вогнутостью к вогнутости и чуть соприкасались концами. Это изображение на щите могло означать только одно — белозубый рот, широко раскрытый в неистовом хохоте.

Обелиски — две просвечивающие в ребрах стрелы — стояли поодаль. Один увековечил память трех первопроходцев, второй — целого отряда свайщиков. После этого второго случая была найдена защита, и все «турбики» стали снабжать программами.

Машина тихо ползла к границе. Ладников смотрел на Знак. Он отдал управление автомату и стал ждать, когда сработает пускатель программы. Никто, кроме него, не знает, что узенькая желтая полоска на столбе — это тот самый излучатель, который приведет в действие защиту. «Ничего больше не скажу, — думал Ладников, — я и так им слишком много рассказал... На свою шею. Надо было три слова из инструкции, и точка. Даже Риль струхнул. Как он спросил? «Нельзя ли лететь ракетой?» А сам ты, между прочим, когда ехал здесь впервые, оставался немым и глухим? Ну, конечно, ты герой, камень, столб, кибер. Ты ведь тоже, Ладников, тогда закидывал вопросы насчет других дорожек или что-то в этом роде... Грешник-праведник...» Ладников глянул в окошечко перед собой. Риль, наморщив лоб, с интересом разглядывал Знак. Мосенин часто глотал слюну и нервно шевелил пальцами, держась обеими руками за противоварийную скобу.

«Как он мог отключиться, не представляю, — подумал Ладников, — что же он там, в Гималаях, притворялся, что ли? Ведь так, нарочно, смелым не станешь... Мосенина надо успо-

коить, а то он программу мимо ушей и глаз пропустит. А Гурген? — Ладников скосил глаза на соседа, который будто бы не обращал особого внимания на то, что было за стеклом. Вот Гурген, деловито порывшись в кармане, достал и сунул в рот маленький тюбик с чем-то вкусным и стал сосредоточенно жевать. — А вдруг этот сейчас плюнет изжеванную оболочку, заорет: «Пошли вы ко всем чертям!» — и побежит, как Мосенин?»

Ладников, расслабившись, откинулся на спинку.

— Значит, каждый имеет право остановить машину, я верно понял? — Риль дохнул в самое ухо Ладникову.

— Да, да, остановите, остановите! — сразу подхватил Мосенин.

«Все! — мелькнуло у Ладникова. — Расплачутся и заставят повернуть назад. Кого только сюда присылают! Народец!..»

Ладников, не отвечая, остановил турбомобиль.

— А теперь, Ладников, брось кривляться и объясни всем, особенно геологу, что ты нас здорово разыграл, — снова заговорил Риль, — что на самом деле мы едем безопасной дорогой, что этот Знак — шутка путников, а обелиски поставили случайно сорвавшимся в пропасть. Что если сейчас и будет программа, то только ради развлечения в долгом пути. В общем все это чепуха, мистификация. И наконец, я тоже знал о розыгрыше. Словом, мы вместе устроили. Извините, пожалуйста. И вы, Гурген, и вы, Мосенин. Извините. Давай, Ладников, признаемся. Хватит.

— Мальчишки! — Гурген чуть не проглотил разжеванный тюбик. — Артисты! Вам что, первое апреля, шуточки? Этим шутят, да? Театр вам, да? Геолога уважаемого довели...

— Как же это так? — Мосенин смотрел растерянно то на спину Ладникова, то на Рилья. — А я... Нет, почему довели? — Он сразу взбодрился и стал возражать Гургену. — Я это немного понимал, тут сразу было что-то не то... Потом, знаете ли, лавина есть лавина, мороз есть мороз, горы есть горы, а здесь... Непонятное, невидимое, неслышимое... А вообще почему вы так сделали? — Он повернулся к Рилью. — Это что, проверка? Я не считаю такой способ достойным.

— Я с вами полностью согласен, я ведь извинился. — Риль мягко положил руку на плечо Мосенина.

Ладников, который в самом начале затейного Рилем разговора чувствовал, что все его сильное тело противно съеживается, а голова уходит в плечи, увидел перед собой теплые и какие-то хитроватые глаза Рилья, вмиг все понял и тихо, виновато сказал:

— Простите, ребята. Уж очень скучная дорога. Надо же было что-нибудь болтать...

Потом он подумал про себя: «Какой же он молодец, Виктор Риль! В мгновение привел Мосенина в чувство...»

Футляр с программой выскочил неожиданно. Он упал на лапки пускателя, пожевал несколько мгновений, словно для того, чтобы все удостоверились в его наличии и сохранности, и снова провалился в недра воспроизводящего аппарата.

Тесную кабину турбомобилia заполнили действующие лица программы. Рассказывалась юмореска. Вернее, не рассказыва-

лась — это было похоже на маленький спектакль с рассказчиком. Рассказчик вставлял короткие фразы, связывая действие. Его веселое, очень подвижное лицо повисло между Ладниковым и Гургеном, то уменьшаясь, то увеличиваясь. Но что бы ни делали в этой сценке актеры — знаменитости последнего десятилетия, — как каким бы приемам своего блестящего мастерства ни прибегали, они так и остались бы просто смешными призрачными фигурками, если бы играли вещь просто смешную. Юмореска была талантливо смешной, той редкой крупинкой в огромном океане всякого написанного, озвученного, изображенного юмора, которая могла зажечь и тонкого ценителя и человека, считающего шуткой выставленный палец.

И вот уже Ладников забыл, что еще несколько минут назад в его руках была баранка, что рядом с ним сидит Гурген, а позади Риль и Мосенин, что этот Гурген только что сердито спрашивал: «Шуточки вам, да?» Что он, Ладников, в шестой раз едет мимо Знака. Ладников смеялся. Сначала тихо и сдержанно, потом громко, с визгливыми вскрикиваниями, и, наконец, он безудержно хохотал, взмахивая руками, хлопал ладонями по сиденью и бессильно ронял голову на грудь.

И Гурген, раздувая ноздри, хватал воздух в мучительном смехе. Его верхняя губа почти касалась горбатого носа и высоко обнажала зубы. Гурген мотал головой, словно хотел вытряхнуть эту совсем некстати попавшую смешинку из своей зачесанной набок челки.

И Мосенину было уже не до страхов перед неизвестным. Последний разговор как-то успокоил его. А потом стала развеваться программа. И Мосенин звонко смеялся.

Людей охватил беззаботный опьяняющий смех. Они не думали об опасности. Они были не среди мрачных скал у «Большой борозды», не в турбомобиле, перебирающемся через пропасть, и даже не рядом друг с другом, а там, среди актеров, на улице города, на крыше дома, везде, где происходило действие.

Ладников, закатившись в очередном взрыве смеха, нагнулся над окошечком обзора. Он случайно увидел Рилья. Но до него не сразу дошло то, что он увидел. Риль спокойно сидел и чуть улыбался грустноватой улыбкой. И эту улыбку он словно нарочно выдавливал из себя.

— Почему... Ха-ха-ха! Ты... ха-ха! Это же дьявольски... ха-ха-ха! Смешно... ха-ха!

И вдруг Ладникова объяла смутная тревога, и он заорал Рилью:

— Ну, смейся же наконец!

Но уже растаяла последняя фигурка. Исчез веселый рассказчик. Турбомобиль тоненько выл и по-прежнему тихо двигался вперед. Позади осталось все. Вся полоса. Из «Большой борозды» клубились синеватые испарения. Риль сидел, плотно сжав губы. Риль!! Этот крик не нарушил тишины в кабине турбомобили. Но так хотелось закричать Ладникову. Программа не сработала для Рилья! Ты что-то не понял, Риль? Ладников вспомнил слова, сказанные Рилем в дороге, уже на отрезке «красных столбов»: «Настоящий юморист так бы не написал... Пошлость не защита... Она может не спасти...» Разве это пошлость, Риль?

— Что с тобой, Виктор? — спросил Ладников вслух.

— А ты говорил, Ладников, что он мрачный человек, — Риль, сидевший все так же прямо, кивнул на Гургена, — вот видишь. Кавказцы — люди с юмором. — Риль слабо, через силу улыбнулся. Он прикрыл глаза ладонью и, обратившись к Мосенину, сказал: — А вы, я забыл вашу фамилию, вы... жалкая капризная баба... — Ладонь Рили упала на колени. — А я... а я... — начал он снова, — погодите, дайте вспомнить, что я...

— Виктор! Риль! — Ладников засуетился, желая чем-то помочь журналисту.

С Рилем творилось непонятное. Сначала он как будто размяк, ослаб. Словно его клонило ко сну после долгого вынужденного бодрствования. Потом вдруг глаза Рили округлились. Он сильно схватил Ладникова за руку и громко закричал ему:

— Куда ты едешь! Стой! Стой же! Ты сейчас раздавишь их! Черт! Стой, негодяй! Не надо!! — он перевел дух, когда потерявшийся Ладников совсем выключил двигатель. — Фу-у... Ты ведь Ладников? Так? Этих я не знаю... Подождите меня здесь...

Риль резко распахнул дверцу. Ладников и Гурген тотчас выскочили за ним.

— Я сказал подождать, — Риль зло посмотрел на них и сделал несколько шагов назад, к опасной полосе. — Не ходите за мной, Ладников, слышите? Вы ничего здесь не поймете!

Он шел, сунув руки в карманы, не оглядываясь, деловитой походкой занятого человека. Вдруг он остановился, огляделся по сторонам. Он был уже далеко за чертой около Знака.

Ладников тихо шагнул в его сторону. Гурген тоже.

— Я остаюсь, Ладников! — голос Виктора прозвучал неестественно громко, словно усиленный гигантскими динамиками.

Вдруг Риль метнулся к пропасти. Ладников и Гурген долго встатривались в разрывы синей пелены. Из каньона слышались резкие, гулкие звуки от падающих камней.

— Почему он не смеялся? — спросил Гурген, когда они возвращались к машине.

— Не знаю, — ответил Ладников. Он был очень подавлен происшедшим.

— Ведь было смешно?

— Да, было.

Мосенин стоял у «турбика» и цепко держался за дверцу.

— Надо уезжать, надо немедленно уезжать, — выпалил он Ладникову, — тут опасно оставаться, надо уезжать... Все равно ему ничем не поможешь...

Ладников молча стоял. Гурген повернулся к Ладникову и долго внимательно смотрел ему в глаза.

— Что же все-таки ЭТО? — наконец спросил он.

— Не знаю. Но произошло так, как описывал Петер Ольвер.

— Кто он?

— Единственный случайно уцелевший из свайщиков. Не читали?

— Нет.

— Он написал подробнейший отчет. Подробный, но до сих пор непонятный.

— Почему непонятный?

— Там много моментов, которые нельзя истолковать. Да и

сам Ольвер мало что видел. Многие думают, что это галлюцинации. Какие? Отчего? Неизвестно... Изысканий здесь не было. Да и как их будешь вести, черт возьми! Ведь защита одна — смех.

— Зачем вы, Ладников, выпустили его из кабины? Вы ведь знали, чем это грозит.

— Ничто бы не помогло, — тихо сказал Ладников. — Половина свайщиков не вылезла из вездехода, но живым остался только Петер Ольвер. Его охватил тогда нервный смех. Остальных так и похоронили в вездеходе... Вы что-нибудь понимаете в излучениях, Гурген? Жаль... Я тоже. Ребята из Управления убеждены, что дело в излучениях. Да и сам Морозов тоже. Он обследовал Ольвера.

— Вы не говорили об Ольвере, — вмешался Мосенин, — почему? Ведь если бы мы знали раньше...

— Перестаньте. Идите вы с вашими вопросами... Вас могло уже не быть с нами.

— Меня? Не быть?

— Да. Риль помог вам вовремя... Это ему пришлось в голову сказать, что я всех разыгрываю. Вы успокоились на мгновение. Я не собираюсь стыдить вас. Тем более издеваться. Я вам скажу вот что, Мосенин. Никто в Атлантике ничего не узнает. Но вам лучше возвратиться на Землю. Вы можете жить на Эвересте, в Гоби, в Марианской впадине, где угодно, но не здесь. Вы можете умереть геройски от холода, голода, но здесь вы умрете только от страха. Здесь опасности непонятные. И не всегда видимые... О Законе Чужого Неба я вам соварал. Его давно отменили. Каюсь.

— Когда я провел в ледяной трещине... Погодите, послушайте меня, — заговорил Мосенин, удерживая Ладникова около себя.

— В другой раз. Нам действительно надо ехать. Впереди еще будет, чему удивиться. Вот только Риль...

Ладников, не влезая в машину, вытащил валик отработанной программы. Он был уже упакован в черный матовый футляр. На белой этикетке было написано мелкими буквами: «Этот рассказ написан около десяти лет назад и отмечен первой премией на конкурсе студенческого юмора. Пассажиры, направляющиеся на Запад, могут быть благодарны его автору — Виктору Рилю».

Ладников сдал футляр до хруста и выпустил его из ладони...

**Н а 2-й с т р. о б л о ж к и — р и с у н о к Н. Н Е М У Х И Н А
к р а с с к а з у В. С л у н и н а и Е. К а р т а ш е в а « С м е х п о д о р о г е
в А т л а н т и с е ».**